Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4.
Law. Journal of the Higher School of Economics 2024. Vol. 17, no 4.

Научная статья
УДК:347
JEL: K15, K29
DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.80.109

Защита субъективных прав и правовых интересов корпорации наследниками участника

Сергей Владимирович Ерчак
Российский государственный университет правосудия, Россия, Москва 117418, Новочеремушкинская ул., 69,
Sergei.Erchak@moex.com.

Аннотация
Статья посвящена особенностям защиты прав и интересов корпорации лицами, к которым акции и доли переходят в порядке универсального правопреемства при наследовании. Целью работы является исследование возможности наследника осуществлять действия по защите прав и интересов корпорации. В исследовании использованы общенаучные методы познания (системный, формально-логические методы, а также специальные юридические методы (формально-юридический, метод правового моделирования и др.). Обосновано, что право на управление является «неличным» неимущественным правом участника, которое может переходить в порядке универсального правопреемства при наследовании, в связи с чем норма, предусмотренная абз. 3 ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации и устанавливающая запрет на наследование личных неимущественных прав, не применяется. Установлено, что наследник становится участником корпорации с момента принятия наследства, однако, принимая во внимание одномоментную замену наследодателя его наследником в корпоративном правоотношении, делается вывод о некорректности разграничения момента приобретения наследником права на долю в уставном капитале и права на управление корпорацией. По итогам исследования правоприменительной практики и положений российского права отмечается, что необходимо разграничивать момент, с которого такое право переходит к наследнику участника (в момент открытия наследства), и момент, с которого наследник вправе осуществлять отдельные правомочия имущественного и неимущественного характера, входящие в содержание права на управление корпорацией (с открытием наследства или с момента получения

© Ерчак С.В., 2024
Данная публикация лицензируется соответственно условиям лицензии Creative Commons Attribution-Sharealike 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.ru

согласия остальных участников). До момента получения согласия участников на осуществление правомочий, принадлежавших наследодателю, возникает фикция участия, которая отпадает с получением такого согласия и возникновением корпоративного правоотношения между корпорацией и наследником, или, при отказе в согласии, после реализации правомочия на выплату действительной стоимости доли. Исследование показало, что в период до момента определения круга наследников и состава наследуемого имущества в интересах корпорации и наследников действует доверительный управляющий.

Ключевые слова

корпорация; корпоративное правоотношение; универсальное правопреемство; наследование корпоративных прав; оспаривание сделок; взыскание убытков; доверительное управление долями и акциями.

***Для цитирования*:** Ерчак С.В. Защита субъективных прав и правовых интересов корпорации наследниками участника // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 80–109. DOI:10.17323/ 2072-8166.2024.4.80.109

Research article

Protecting Subjective Rights and Legal Interests of a Corporation by Heirs of its Participant

Sergei V. Erchak

Russian State University of Justice, 69 Novocheremushkinskaya Str., Moscow 117418, Russia,
Sergei.Erchak@moex.com

Abstract

The article is devoted to the features of the protection of the rights and interests of the corporation by the persons to whom participating interests and shares are transferred in the order of universal succession upon the inheritance. The purpose of the paper is to study the ability of the heir to take actions to maintain the rights and interests of the corporation. The author applied both general scholar methods (systemic, formal logical methods: induction and deduction, synthesis and analysis) and special legal methods (formal legal, legal modelling method, comparative legal method). It was justified the right to manage is a “non-personal” non-property right of a participant may be transferred by the procedure of universal succession during the inheritance, hence, the norm of Article 1112 of the Civil Code establishing prohibition on inheritance of personal non-property rights does not apply. It has been identified the heir becomes a participant in the corporation from the moment of acceptance of the inheritance, however, taking into account the universal nature of succession in case of the inheritance, that implies the immediate replacement of the testator by his heir in a corporate legal relation. It is concluded it is incorrect to distinguish between the moment the heir acquires the right

to a share in the authorized capital and the right to manage the corporation. Based on the results of a study of law enforcement practice, as well as the provisions of Russian law, it is noted in relation to the inheritance of the right to manage a corporation, it is necessary to distinguish between the moment from which such a right passes to the heir of a participant (at the time of opening of the inheritance), and the moment from according that the heir has the right to exercise certain powers property and non-property nature included in the content of the right to manage a corporation (with the opening of the inheritance, but if the exercise of powers requires the consent of the remaining participants — from the moment the heir receives such consent). Until the consent of the remaining participants to exercise the powers that belonged to the testator is obtained, a fiction of participating arises, which disappears with such consent and the emergence of a corporate legal relationship between the corporation and the heir, or, in case of refusal to provide consent, after the exercise of the right to pay the actual value of the share in the charter capital. The study showed until the circle of heirs is determined, as well as the composition of the inherited property, a trustee acts on behalf and in the interests of the corporation and the heirs.

Keywords

corporation; corporate legal relation; universal succession; inheritance of corporate rights; challenging of the transactions; recovery of damages; participating interests and shares trust management.

For citation: Erchak S.V. (2024) Protecting Subjective Rights and Legal Interests of Corporation by Heirs of its Participant. *Law. Journal of the Higher School of Economics,* vol. 17, no. 4, pp. 80–109 (in Russ.) DOI:10.17323/ 2072-8166.2024.4.80.109

Введение

Корпорация (далее также — общество) в силу особой правовой природы приобретает права и обязанности через свои органы управления (п. 1 ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации[1]; далее — ГК). Равным образом и защита корпорацией принадлежащих ей прав осуществляется через: лицо, осуществляющее полномочия единоличного исполнительного органа (далее — директор); члена коллегиального органа управления; участника как члена высшего органа управления. Действия участника корпорации от имени и в интересах последней, связанные с взысканием убытков, причиненных корпорации, а также оспариванием сделок (абз.5, 6 п. 1 ст. 65.2 ГК), возможны в силу корпоративного правоотношения между корпорацией и ее участником.

Безотносительно к дискуссии о правовой квалификации иска, предъявляемого корпорацией в лице участника в порядке, предусмотренном ст. 53.1 и ст. 65.2 ГК, есть основания полагать, что данный иск следует

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023, с изм. от 01.10.2023) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

признать не косвенным иском участника, а прямым иском корпорации. В данном случае корпорация защищает принадлежащие именно ей права и интересы, действуя в силу правовой природы и физической недетерминированности через члена высшего органа управления.

Интересна в таком случае ситуация, при которой директор действует недобросовестно, а участник корпорации отсутствует, например, по причине смерти. Вероятно, в таком случае остается не определенным лицо, которое сможет обеспечить право корпорации на собственную защиту. Поэтому весьма актуально исследование возможности корпорации защитить принадлежащие ей права и интересы предъявлением иска о взыскании причиненных убытков или об оспаривании сделки в лице наследника умершего участника.

Вопрос требует решения ряда промежуточных задач. Во-первых, необходимо определить момент, с которого наследник приобретает право на управление корпорацией. Во-вторых, следует установить момент, с которого наследник вправе осуществлять принадлежащие ему правомочия участника. В-третьих, с точки зрения цели настоящего исследования важен вопрос о субъекте, который вправе действовать от имени и в интересах корпорации до момента приобретения наследником статуса участника и возможности реализации им корпоративных правомочий без вмешательства третьих лиц.

1. Право на управление корпорацией как «неличное» неимущественное право участника

Пункт 1 статьи 1110 ГК[2] гласит, что при наследовании имущество, принадлежавшее наследодателю, переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства: 1) как единое целое; 2) в неизменном виде; 3) в один и тот же момент; 4) напрямую от наследодателя к наследнику, т.е. без вмешательства третьих лиц [Сергеев А.П., 2016: 9–10]. Для приобретения наследства наследник должен его принять (п. 1 ст. 1152 ГК). Принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на имущество (п. 4 данной статьи). Указанная норма установила общее правило, по которому универсальное правопреемство осуществляется в отношении любого наследственного имущества, в том числе в отношении акций и долей в уставных капиталах хозяйственных обществ. Аналогич-

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023, с изм. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

ные по содержанию разъяснения закреплены в п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»[3] (далее — Постановление № 9).

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на формулировку п. 34 указанного Постановления, согласно которой наследник со дня открытия наследства является не только собственником наследственного имущества, но и носителем *имущественных* прав и обязанностей. При этом в абз. 3 ст. 1112 ГК указано, что в состав наследства не входят личные неимущественные права.

Таким образом, из буквального толкования абз. 3 ст. 1112 следует, что законом запрещается наследование исключительно неимущественных прав, *тесно связанных с личностью наследодателя*, в то время как в разъяснениях, изложенных в п. 34 Постановления, речь идет о принадлежности наследнику со дня открытия наследства имущественных прав и обязанностей. Не примечательное на первый взгляд разъяснение Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС) ставит вопрос, связанный с моментом перехода к наследнику права на управление корпорацией, принадлежавшего умершему участнику.

Так, в одном из дел суд округа прямо указал следующее: «Поскольку *личные неимущественные права* в состав наследства не входят (абз. 3 ст. 1112), неимущественные (организационные) права участника (прежде всего, право участия в управлении делами общества) не наследуются, но могут переходить к его наследникам с переходом к ним имущественных прав»[4]. Аналогичный подход, согласно которому право на управление корпорацией следует относить к личным неимущественным, наследование которых не допускается в силу абз. 3 ст. 1112, также встречается в актах ВС [5] и арбитражных судов[6]. Указанный подход закреплен в п. 1.4 «Методических рекомендаций «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью» 2010 г[7].

---

[3] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

[4] См.: Постановление Арбитражного суда (далее — АС) Московской области (далее — МО) от 18.02.2016 по делу № А40-55373/15 (оставлено без изменения Определением Судебной коллегии по экономическим спорам (далее — СКЭС) ВС РФ от 06.06.2016 № 305-ЭС16-5303) // СПС КонсультантПлюс.

[5] См.: Определения СКЭС ВС РФ от 07.04.2022 № 310-ЭС21-28271; от 18.10.2019 № 303-ЭС19-17609; Определение ВС РФ от 15.06.2016 № 204-ПЭК16 // СПС КонсультантПлюс.

[6] См.: Постановления АС МО от 03.02.2021 по делу № А40-36992/2020; АС Поволжского округа от 16.10.2017 по делу № А57-2152/2017; АС Дальневосточного округа от 15.07.2019 по делу № А04-6360/2017; Девятого ААС от 11.04.2023 по делу № А40-128911/2022; Пятого ААС от 08.10.2013 по делу № А59-1075/2011 // СПС КонсультантПлюс.

[7] Методические рекомендации «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью» (утв. на заседании Координационно-методи-

Вместе с тем отнесение права на управление корпорацией к личным неимущественным весьма спорно.

На некорректность деления правоотношений, регулируемых гражданским правом, на имущественные и личные неимущественные в свое время обратил внимание О.А. Красавчиков, который писал: «…если для разграничения отношений, регулируемых гражданским правом, был бы первоначально избран признак «имущественности», то, очевидно, все соответствующие отношения нашли бы себе место либо среди имущественных, либо среди неимущественных. Если бы таким разграничительным признаком являлся признак «личности», то надо полагать, что обсуждаемые социальные связи были бы рассредоточены в таких двух группах, как отношения «личные» и «неличные»» [Красавчиков О.А., 2005: 45–46]. О возможности существования и корректности выделения наряду с личными так называемых «неличных» неимущественных прав писал также И.А. Покровский [Покровский И.А., 1998: 135–138]. В любом случае для ответа на вопрос о возможности существования неимущественных прав, которые не являются личными, необходимо понять, что представляют собой личные права.

Весьма точно их охарактеризовал М.М. Агарков, который указывал, что они защищаются против всех и каждого и «неотделимы от личности субъекта права» [Агарков М.М., 2012: 107]. В то же время Е.А. Флейшиц отмечала, что личные права «непосредственно выражают и охраняют интересы личности «как таковой», как носителя индивидуальных черт, способностей, стремлений» [Флейшиц Е.А., 1941: 5]. В доктрине также отмечается, что под личными неимущественными правами следует понимать «субъективные права граждан, возникающие вследствие регулирования нормами гражданского права личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными». При этом личные неимущественные права обладают следующими признаками: 1) строго личный характер; 2) неотчуждаемость; 3) принадлежность *исключительно гражданам* (курсив везде мой.–С.Е.) [Суханов Е.А., 2011: 886–887]. Наличие у личных неимущественных прав характерных признаков позволяет сделать обоснованный вывод: помимо личных неимущественных существуют также права, пусть и являющиеся по своей правовой природе неимущественными, но которые в то же время не имеют тесной связи с личностью умершего.

К числу неимущественных прав, которые не являются личными, можно отнести право на управление корпорацией. Так, О.В. Гутников

ческого совета нотариальных палат ЮФО, С-КФО, ЦФО РФ 28-29.05.2010) // Нотариальный вестник. 2011. № 2.

отмечает: «в большинстве случаев корпоративные отношения не носят личного характера хотя бы потому, что корпоративные права могут с той или иной степенью свободы отчуждаться и иным образом переходить от одного лица к другому». При этом он также не исключает возможности квалификации в качестве личного неимущественного права на управление теми корпорациями, в которых личность участника имеет существенное значение (например, полные товарищества) [Гутников О.В., 2019: 110].

Конечно, и в доктрине [Габов А.В., 2010: 61]; [Белов В.А., 2009: 574]; [Телюкина М.В., 2012: 27–30], и в правоприменительной практике[8] неоднократно отмечалось, что характерной чертой обществ с ограниченной ответственностью (далее — ООО) является стабильность и неизменность состава участников (закрытый характер). Эта особенность может выражаться путем: реализации преимущественного права приобретения доли в уставном капитале (п. 4 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»[9] (ред. от 13.06.2023; далее — Закон об ООО); отказа в согласии правопреемникам участника на осуществление правомочий участника (п. 8 ст. 21 Закона об ООО). Вместе с тем полное товарищество в большей степени соответствует признакам объединения лиц, в то время как ООО — в том числе признакам объединения капиталов [Шиткина И.С., 2021: 50–51]. Личность участника пусть и имеет в ООО значение, однако не столь существенное, как в полных товариществах.

Исследуя неимущественное правоотношение участия, содержанием которого выступают имущественные и неимущественные права участника, Д.В. Ломакин отмечает, что «от личных неимущественных прав (абз. 1 п. 1 ст. 2 ГК) они (корпоративные неимущественные права участника–С.Е.) отличаются тем, что могут свободно отчуждаться и передаваться в совокупности с иными корпоративными правами, например, при отчуждении акции в уставном капитале акционерного общества» [Ломакин Д.В., 2020: 23]. Изложенное позволяет сделать вывод, что подход Д.В. Ломакина в целом аналогичен мнению О.В. Гутникова, с некоторыми уточнениями:

Д.В. Ломакин, отрицая возможность признания неимущественных прав участника корпорации личными, говорит о некой совокупности различных субъективных имущественных (например, право на получения ликвидационной квоты, право на участие в распределении прибыли)

[8] См.: Постановления АС Северо-Кавказского округа от 15.07.2020 по делу № А32-35774/2019; АС ДО от 31.08.2017 по делу № А37-1905/2016; Первого ААС от 30.07.2012 по делу № А38-5863/2011; Пятого ААС от 11.04.2022 по делу № А59-3916/2018 // СПС КонсультантПлюс.

[9] СЗ РФ. 1998. № 7. ст. 785.

и неимущественных (например, право на участие в управлении делами корпорации, право на получение информации о деятельности хозяйственного общества) прав [Ломакин Д.В., 2020: 24].

О.В. Гутников в свою очередь полагает, что существует лишь единое субъективное неимущественное право на управление корпорацией, которое состоит из конкретных правомочий, которые участник корпорации вправе осуществлять по своему усмотрению [Гутников О.В., 2017: 58–59].

Не вдаваясь в дискуссию о обоснованности той или иной позиции, отметим лишь, что автор настоящей статьи придерживается подхода, предложенного О.В. Гутниковым, поскольку существование множества субъективных прав в рамках единого права на управление корпорацией выглядит избыточным. Реализация правомочий, входящих в содержание субъективного права на управление корпорацией, возможна с наступлением определенных обстоятельств (например, в связи с принятием общим собранием участников необходимого решения). Такая реализация правомочий и есть по ее сути реализация права на управления с тем лишь уточнением, что его реализация происходит в пределах одной части (например, в виде участия в общем собрании и голосовании по вопросам повестки дня, в виде получения имущества при ликвидации корпорации и т.п.).

Гораздо проще решается вопрос об отнесении к личным неимущественным права участника на управление акционерным обществом (далее — АО), поскольку Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»[10] (далее — Закон об АО) в принципе не содержит положений, которые каким-либо образом ограничивали бы право акционера совершить тем или иным образом отчуждение принадлежащих ему акций (за исключением преимущественного права и необходимости получения согласия, как это предусмотрено в п. 3 и п. 5 ст. 7 Закона об АО). Равным образом в Законе об АО отсутствуют ограничения, связанные с возможностью перехода права на управление корпорацией к правопреемникам (например, к наследникам) акционера, поскольку наследники, к которым перешли акции, вошедшие в состав наследственного имущества, становятся участниками АО (п. 3 ст. 1176 ГК). Весьма интересно, что включение таких положений в устав АО признается незаконным, поскольку прямо противоречит положениям Закона об АО[11].

Неизменность персонального состава участников в АО играет еще меньшую роль по сравнению с ООО. В таком случае право на управление

[10] СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

[11] См.: Постановление Седьмого ААС от 22.12.2020 по делу № А45-16404 // СПС КонсультантПлюс.

АО также нельзя отнести к личным неимущественным правам участника. Кроме того, при определении правовой природы права на управление необходимо иметь в виду, что в силу абз. 2 п. 5 ст. 66 ГК участниками хозяйственных обществ могут быть граждане и юридические лица. Признание права на управление корпорацией личным должно приводить к выводу: юридические лица могут обладать личными неимущественными правами. Вне всяких сомнений, никто кроме физических лиц личными правами обладать не может, следовательно, такое право является «неличным». Равным образом отнесение права на управление корпорацией к личным правам не может быть поставлено в зависимость от статуса его обладателя: физические лица и юридические лица в данном случае являются равноправными субъектами корпоративного правоотношения.

Таким образом, право на управление корпорацией по своей природе является «неличным», поскольку не имеет тесной связи с личностью участника в силу возможности его отчуждения при продаже долей и акций, а также потому, что личные права могут принадлежать только гражданам, в то время как участниками хозяйственного общества также могут быть и юридические лица.

2. Переход права на управление корпорацией при наследовании

Невозможность признания права на управление личным неимущественным свидетельствует о его переходе к наследнику с момента принятия наследства, поскольку норма о недопустимости наследования личных неимущественных прав, принадлежавших наследодателю (абз. 3 ст. 1112 ГК), в данном случае не применяется.

Вместе с тем в правоприменительной практике встречается подход, согласно которому в наследственную массу входит только доля в уставном капитале, представляющая собой совокупность имущественных прав и обязанностей в отношении корпорации, в то время как неимущественные права переходят к наследнику безусловно либо при наличии согласия остальных участников на такой переход[12]. Вероятно, такой подход встречается лишь потому, что распространено неточное понимание доли в уставном капитале как комплекса взаимосвязанных прав и обязанностей имущественного и неимущественного характера. Например, в абз. 2 п. 66 Постановления № 9 содержится разъяснение, согласно которому для получения свидетельства о праве на наследство (для перехо-

[12] См.: Постановления 12-го ААС от 25.07.2017 по делу № А57-2152/2017; 9-го ААС от 02.07.2019 по делу № А40-98831/18 // СПС КонсультантПлюс.

да имущественного права на долю к наследнику.–С.Е.) согласие остальных участников не требуется. Свидетельство о праве на наследство, в состав которого входит доля в уставном капитале общества, является основанием для постановки вопроса об участии наследника в соответствующем хозяйственном обществе (абз. 3 п. 66 Постановления).

Таким образом, переход к наследнику доли, если он возможен в силу ее правовой природы, осуществляется в момент принятия наследства и не зависит от волеизъявления остальных участников. Однако при таком подходе переход права на управление корпорацией ставится в зависимость от согласия остальных участников (п. 8 ст. 21 Закона об ООО). Если согласия остальных участников на переход не требуется, то с момента принятия наследства к лицу, принявшему наследство, право на управление корпорацией переходит в полном объеме[13]. В то же время отказ остальных участников от согласия на такой переход названных выше правовых последствий не влечет[14].

Двойственность такого подхода вызывает сомнение в необходимости получения согласия на переход к наследнику прав, принадлежавших наследодателю, поскольку универсальное правопреемство не может быть поставлено в зависимость от согласия третьих лиц (при универсальном правопреемстве предполагается одномоментная замена наследодателя его наследником). Следует еще раз подчеркнуть, что не существует совокупности прав, которые удостоверяются долей в уставном капитале, которые можно делить на имущественные и неимущественные. Участник корпорации обладает лишь правом на управление, содержанием которого являются не отдельные субъективные права, а различные правомочия, доступные для реализации участнику.

В частности, С.Ю. Филиппова со ссылкой на предложенную М.М. Агарковым классификацию прав отмечает, что нельзя отождествлять право наследника участника хозяйственного общества на бездокументарную ценную бумагу и корпоративные права, в том числе неиму-

---

[13] См.: Определение СКЭС ВС РФ от 26.08.2016 № 306-ЭС16-8387; Определение СКЭС ВС РФ от 28.01.2016 № 309-ЭС15-10685; Постановления Президиума ВАС РФ от 20.12.2011 № 10107/11; АС МО от 29.03.2023 по делу № А40-170985/2021; АС ЗСО от 24.01.2019 по делу № А03-11552/2016; АС ЗСО от 27.02.2017 по делу № А56-2906/2014; АС МО от 04.07.2017 по делу № А41-19303/2016; АС СКО от 21.05.2019 по делу № А53-29680/2018; АС МО от 11.04.2016 по делу № А40-22318/2015; Тринадцатого ААС от 30.06.2017 по делу № А56-66306/2016; Пятнадцатого ААС от 16.03.2022 по делу № А32-19551/2021 // СПС КонсультантПлюс.

[14] См.: Определение СКЭС ВС РФ от 22.12.2017 № 302-ЭС17-18995; Постановления ФАС ВВО от 27.02.2013 по делу № А28-2874/2012; АС ЗСО от 28.04.2021 по делу № А45-6993/2020; АС МО от 29.03.2023 по делу № А40-170985/2021; АС ЦО от 10.06.2020 по делу № А08-941/2019 // СПС КонсультантПлюс.

щественные (право на участие в управление делами корпорации, право на контроль за финансово-хозяйственной деятельностью корпорации, право на информацию), удостоверенные бездокументарной ценной бумагой [Филиппова С.Ю., 2019: 21]. С.А. Бурлаков аналогичным образом применительно к наследованию долей в уставном капитале проводит разграничение прав на долю и прав из доли [Бурлаков С.А., 2022: 60–74]. Указанные исследователи делают вывод, что моменты перехода к наследнику участника права на долю в уставном капитале и перехода к наследнику самих корпоративных прав (а не возможности их осуществления) в некоторых случаях могут не совпадать.

Вместе с тем изложенный выше подход не в полной мере учитывает особенности доли в уставном капитале. Так, в доктрине продолжительное время идет дискуссия относительно правовой природы доли в уставном капитале (очевидно, что нет никаких препятствий для распространения тезисов такой дискуссии на бездокументарные ценные бумаги). С.Д. Могилевский указывает, что всего выделяется четыре концепции правовой природы доли в уставном капитале: вещно-правовая; обязательственно-правовая; имущественно-правовая; корпоративно-правовая (комплексно-правовая) [Могилевский С.Д., 2010: 35–43]. Согласно последнему из вышеперечисленных подходов доля в уставном капитале представляет собой совокупность имущественных прав и обязанностей участника общества, объем которых определяется размером вклада участника [Новоселова Л.А., 2007: 207]. А.Я. Курбатов отмечает, что доля в уставном капитале — это права участника, имеющие номинальную стоимость и определяемые через пропорцию (долю) его участия в формировании уставного капитала общества» [Курбатов А.Я., 2018: 42–48].

По мнению А.А. Максурова, доля в уставном капитале представляет собой сложное комплексное субъективное право: «имущественные («классические» гражданско-правовые) и корпоративные элементы» [Максуров А.А., 2021: 59]. Сходную позицию занимает Р.С. Фатхутдинов, который равным образом полагает, что доля в уставном капитале представляет собой «субъективное право на участие в организации деятельности общества, состоящее из единого и неделимого комплекса правомочий участника общества» [Фатхутдинов Р.С., 2009: 45]. Вместе с тем в доктрине встречается подход, согласно которому право участия, которое выражено долей в уставном капитале, не может быть признано самостоятельным субъективным правом, поскольку существует лишь право на управление юридическим лицом, в состав которого входят управленческие и связанные с ними правомочия [Гутников О.В., 2018: 172].

Анализ изложенных точек зрения на правовую природу доли в уставном капитале позволяет сделать вывод: доля в уставном капитале ООО,

равно как и акция в уставном капитале АО являют собой меру или, если говорить иными словами, способ измерения принадлежащего участнику корпорации неимущественного права на управление корпорацией. Весьма интересно, что такой подход, пусть и опосредованно, но находит подтверждение в практике ВС[15], что не удивительно, поскольку от размера доли или количества акций, принадлежащих участнику, зависят, например, размер дивидендов, возможность влияния на принятие общим собранием участников решений, перечень документов, к которым у акционера имеется доступ, и т.п.

Нельзя также не согласиться с тем, что принадлежность права на долю в уставном капитале в отрыве от права на управление, удостоверенного ею, сама по себе ценности не имеет. Доля участия неразрывно связана с правами участника корпорации: во всех без исключения случаях, приобретая долю в уставном капитале, лицо намерено получить не абстрактную долю, а конкретное право на управление корпорацией, объем которого неразрывно связан с размером приобретенной доли или количеством акций в уставном капитале хозяйственного общества.

Недопустимость разграничения момента перехода права на долю и права из доли равным образом объясняется и с точки зрения универсальности наследственного правопреемства. В частности, с позиции противоположного подхода весьма трудно разрешить вопрос о судьбе права на управление корпорацией, принадлежавшего наследодателю до момента смерти: если согласиться с тем, что момент перехода права на долю в уставном капитале может не совпадать с моментом перехода права, удостоверенного долей участия, то возникает временной разрыв между датой открытия наследства (днем смерти наследодателя) и моментом перехода к наследнику такого права. Здесь можно говорить не о правопреемстве, как одномоментной замене наследодателя его наследником (наследниками) во всех правоотношениях в условной точке «А» (дне открытия наследства), а только лишь о возникновении новых прав в условной точке «Б» (дне перехода к наследнику корпоративных прав) и, следовательно, появлении нового субъекта права. Это не вписывается в общее понимание наследования и его универсального характера.

Сторонники возможности разграничения момента перехода права на долю и права из доли могут возразить, указав, что в отечественном законодательстве предусмотрена возможность «недопуска наследников» [Курбатов А.Я., 2022: 234], характерная для ООО. Однако и такой довод можно аргументированно опровергнуть.

---

[15] См.: Определение СКЭС ВС РФ от 28.08.2023 № 305-ЭС23-8438 // СПС КонсультантПлюс.

В частности, переход прав на долю в уставном капитале ООО к наследникам участника, если это предусмотрено уставом хозяйственного общества, допускается только с согласия остальных участников общества (абз. 2 п. 1 ст. 1176 ГК). В доктрине уже отмечалось, что формулировка указанной нормы некорректна, поскольку название статьи говорит о наследовании прав, связанных с участием в хозяйственных обществах, а из ее содержания следует, что речь в ней идет в том числе о переходе к наследнику долей в уставном капитале, что вовсе не одно и то же. К.Б. Ярошенко справедливо отмечает, что «ст. 1176 ГК РФ не имеет никакого отношения к общему порядку наследования» [Ярошенко К.Б., 2017: 54]. Аналогичные неточные формулировки законодатель также использовал при формулировании п. 8 и п. 10 ст. 21 Закона об ООО, в которых, как следует из их буквального толкования, от получения согласия остальных участников зависит переход к наследнику доли в уставном капитале ООО.

Возможно, в абз. 2 п. 1 ст. 1176 ГК и п. 8 ст. 21 Закона об ООО речь идет не о переходе прав на долю или акцию, поскольку последние являются лишь способом определения размера принадлежащего участнику права на управление корпорацией, и даже не о переходе самого права на управление, которое, вне всяких сомнений, должно переходить к наследнику с момента открытия наследства в силу универсального характера наследственного правопреемства. Применительно к данному случаю уставом хозяйственного общества может быть предусмотрена необходимость получения согласия остальных участников на осуществление наследником отдельных правомочий, составляющих содержание субъективного гражданского права на управление корпорацией. Получается, что остальные участники лишь дают конкретному наследнику умершего участника согласие на участие в общих собраниях акционеров, получение информации о деятельности общества и т.п. Если такое согласие не получено (т.е. наследнику отказали в осуществлении правомочий, входящих в содержание права на управление корпорацией), то у такого наследника остается единственное правомочие, входящее в содержание рассматриваемого права, реализация которого не зависит от волеизъявления третьих лиц,–требование выплаты действительной стоимости доли[16].

В поддержку предложенного порядка наследования права на управление корпорацией можно указать, что с точки зрения наследственного правоотношения нет принципиальной разницы в наследовании права на управление ООО и права на управление АО. Нельзя признать обосно-

[16] См.: Определение СКЭС ВС РФ от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611; Постановления АС МО от 04.03.2022 по делу № А40-126223/2021; АС МО от 02.06.2022 по делу № А40-243999/2020 // СПС КонсультантПлюс.

ванным подход, при котором в ООО, в отличие от АО, которые также являются хозяйственными обществами, порядок наследования, установленный ст. 1152 и ст. 1176 ГК, может различаться. Принцип стабильности состава участников ООО не может ограничивать универсальности правопреемства при наследовании. Равным образом, рассматривая случаи наследования права на управление ООО, нельзя согласиться с тем, что волеизъявление третьих лиц (т.е. остальных участников корпорации) может каким-либо образом препятствовать переходу (а не возможности их осуществления) к наследнику всех прав и обязанностей, принадлежавших наследодателю.

В любом случае лицо, к которому переходят права и обязанности, принадлежавшие умершему участнику, должно становиться стороной соответствующего корпоративного правоотношения. Вместе с тем до момента получения согласия остальных участников на осуществление отдельных правомочий, входящих в содержание права на управление корпорацией, если такое согласие требуется в соответствии с уставом ООО, наследник участником корпорации не становится.

Целесообразно предложить подход, согласно которому с момента принятия наследства возникает фикция участия наследника в ООО, уставом которого предусмотрено получение согласия остальных участников на осуществление права на управление такой корпорацией. Если участники ООО выразят в порядке, предусмотренном законом и уставом корпорации, согласие на осуществление наследником правомочий, входящих в содержание субъективного права на управление корпорацией, то такая фикция отпадает по причине ненадобности: участник вправе осуществлять все правомочия без каких-либо ограничений. При отказе остальных участников такая фикция равным образом отпадает, однако, в отличие от первой ситуации, у наследника остается правомочие на выплату ему действительной стоимости доли в уставном капитале ООО.

Допустимость возникновения фикции также можно обосновать со ссылкой на п. 66 Постановления № 9, согласно которому свидетельство о праве на наследство, в состав которого входит доля в уставном капитале ООО, является основанием постановки вопроса об участии наследника в соответствующем обществе или о получении наследником от соответствующего общества действительной стоимости унаследованной доли либо соответствующей ей части имущества. Автор полагает, что ВС равным образом подтверждает наличие неопределенности в возникающих правоотношениях, которая может быть разрешена лишь в дату получения согласия (отказа в предоставлении согласия) остальных участников ООО.

Еще одним весьма важным аргументом в поддержку позиции автора является следующее. В силу ст. 1173 ГК на срок с момента принятия

наследства (п. 4 ст. 1152 ГК) и до момента получения свидетельства о праве на наследство (ст. 1162 ГК; п. 66 Постановления № 9) нотариус в качестве учредителя доверительного управления заключает договор доверительного управления долей в уставном капитале ООО, перешедшей к наследнику в составе наследуемого имущества.

Учреждение доверительного управления обеспечивает соблюдение прав и правовых интересов наследника умершего участника, а также самого хозяйственного общества на стабильность состава участников, поскольку доверительный управляющий осуществляет не только охрану, но и управление наследственным имуществом, в том числе: участвует в общих собраниях участников; голосует по вопросам повестки дня с учетом ограничений, установленных гл. 53 ГК, договором доверительного управления и уставом корпорации.

Однако возникает весьма любопытное обстоятельство: если с момента принятия наследства к наследнику не переходит право на управление корпорацией, то получается, что и к доверительному управляющему такое право перейти не может. Доверительный управляющий имеет возможность осуществления лишь тех прав (и в том объеме), которые удостоверены долей участия в уставном капитале. Иной подход представить трудно, к тому же для этого нет каких-либо существенных оснований. Следовательно, если бы к наследнику не перешло право на управление, доверительное управление являлось бы невозможным. Тот факт, что учредителем доверительного управления в данном случае выступает нотариус, не влияет каким-либо образом на необходимость принадлежности права на управление самому наследнику. Субъективное право не может существовать без субъекта права, а нотариус в рассматриваемом случае очевидно не является субъектом права не является. Он выступает в качестве лица, обеспечивающего соблюдение должных процедур при наследовании в ситуации неопределенности персонального состава наследников или возможных конфликтов между ними.

3. Осуществление права на управление корпорацией и отдельных правомочий, входящих в его содержание

Анализ правоприменительной практики показывает, что системное толкование положений ст. 1152 и ст. 1176 ГК с учетом разъяснений, изложенных в п. 34 Постановления № 9, позволяет судам делать вывод: наследник акционера (участника) корпорации с момента приобретения прав на акции (доли в уставном капитале) хозяйственного общества наследник в то же время вправе осуществлять корпоративные права, удостоверенные такими акциями (долями в уставном капитале). Ины-

ми словами, в указанном случае, по мнению судов, наследник акционера (участника) становится субъектом корпоративного правоотношения с момента принятия наследства и независимо от факта внесения сведений о наследнике как об акционере (участнике) хозяйственного общества в Единый государственный реестр юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ) или в реестр владельцев ценных бумаг.

Так, за наследником участника хозяйственного общества, сведения о котором не внесены в ЕГРЮЛ или реестр владельцев ценных бумаг, признается право на оспаривание сделок[17] и решений высшего органа управления корпорации[18]. При этом возможность оспаривания сделок, совершенных корпорацией в лице директора, а также решений органов управления неразрывно связана с наличием корпоративного правоотношения между корпорацией и членом высшего органа управления, фактически предъявляющим соответствующее требование (в абз. 6 п. 1 ст. 65.2 и п. 3 ст. 181.4 ГК, п. 1 ст. 43, п. 6 ст. 45 и п. 4 ст. 46 Закона об ООО, п. 7 ст. 49, п. 6 ст. 79 и п. 1 ст. 84 Закона об АО речь идет об участнике (акционере) хозяйственного общества, который предъявляет иск от имени и в интересах корпорации).

Вместе с тем в правоприменительной практике встречается и прямо противоположный подход. Арбитражные суды делают вывод, что для осуществления корпоративных прав, удостоверенных бездокументарной ценной бумагой (долей в уставном капитале), право на которую возникло у наследника в силу ст. 1152 и 1176 ГК, необходима совокупность юридических фактов. К числу таких фактов суды относят внесение сведений в ЕГРЮЛ[19] или приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг АО[20] о наследнике как об участнике.

Перечисленные подходы к определению момента, с которого наследник акционера (участника) хозяйственного общества вправе осуществлять принадлежащее ему право на управление корпорацией, прямо противоположны друг другу, поскольку такое право может осуществляться: либо с момента принятия наследства; либо с момента внесения

---

[17] См.: Постановления АС МО от 02.11.2018 по делу № А41-15013/2017; АС ПО от 09.06.2020 по делу № А65-2456/2018; АС ДО от 11.05.2016 по делу № А59-4274/2013; АС СЗО от 08.11.2016 по делу № А66-7692/2015; АС СКО от 09.08.2022 по делу № А32-53076/2021 // СПС КонсультантПлюс.

[18] См.: Постановления ФАС МО от 15.11.2013 по делу № А40-81338/12-57-769; ФАС ДО от 05.03.2012 по делу № А73-14693/2010 // СПС КонсультантПлюс.

[19] См.: Постановление АС ДО от 13.10.2015 по делу № А51-31352/2014 // СПС КонсультантПлюс.

[20] См.: Постановление Десятого ААС от 15.12.2022 по делу № А41-52979/2021; ФАС СЗО от 02.03.2011 по делу № А56-22327/2010 // СПС КонсультантПлюс.

сведений в ЕГРЮЛ или приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг. Правилен лишь первый подход, поскольку возможность осуществления права на управление корпорацией, которое перешло к лицу в порядке универсального правопреемства при наследовании, может осуществляться независимо от записей в ЕГРЮЛ или реестре владельцев ценных бумаг.

Закон об ООО устанавливает, что доля или часть доли в уставном капитале ООО переходит к ее приобретателю с момента внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ (абз. 1 п. 12 ст. 21 Закона). При этом в силу п. 7 ст. 93 ГК переход доли участника ООО к другому лицу влечет за собой прекращение его участия в обществе. Таким образом, с момента внесения записи о переходе прав на долю в уставном капитале у приобретателя доли возникают все права и обязанности, принадлежащие участнику общества и возникшие до совершения сделки, направленной на отчуждение указанной доли или части доли в уставном капитале общества (абз. 2 п. 12 ст. 21 Закона об ООО).

Применительно к АО Гражданский кодекс и Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»[21] (далее — Закон о рынке ценных бумаг) устанавливают следующее правовое регулирование. Пункт 1 ст. 149.2 ГК предусматривает, что передача прав на бездокументарные ценные бумаги приобретателю осуществляется посредством списания бездокументарных ценных бумаг со счета лица, совершившего их отчуждение, и зачисления их на счет приобретателя на основании распоряжения лица, совершившего отчуждение. При этом права по бездокументарной ценной бумаге переходят к приобретателю с момента внесения лицом, осуществляющим учет прав на бездокументарные ценные бумаги, соответствующей записи по счету приобретателя (п. 2 ст. 149.2 ГК). Право требовать от обязанного лица исполнения по бездокументарной ценной бумаге признается за лицом, указанным в учетных записях в качестве правообладателя, или за иным лицом, которое в соответствии с законом осуществляет права по ценной бумаге (абз. 2 п. 1 ст. 149 ГК). Аналогичные положения также закреплены в п. 1 и п. 2 ст. 29 Закона о рынке ценных бумаг.

Таким образом, по общему правилу переход права на управление как ООО, так и АО, и, следовательно, возможность осуществления отдельных правомочий, входящих в содержание такого права, поставлены в зависимость от внесения записи в ЕГРЮЛ или реестр владельцев ценных бумаг[22]. Вместе с тем необходимо заметить, что указанный подход

[21] СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

[22] См.: Определения СКЭС ВС РФ от 06.06.2016 № 305-ЭС16-5303; СКЭС ВС РФ от 19.01.2017 № 305-ЭС16-10612; СКЭС ВС РФ от 19.12.2016 № 305-ЭС16-10612; Поста-

применим только в случаях сингулярного, а не универсального правопреемства.

При сингулярном правопреемстве правопреемник заменяет правопредшественника не во всех, а лишь в некоторых правоотношениях. Именно поэтому сингулярное правопреемство, в отличие от универсального представляет собой не вынужденную меру в целях определения дальнейшей судьбы имущества, принадлежавшего наследодателю, а порождение гражданского оборота [Белов В.А., 2001: 8]. Кроме того, при сингулярном правопреемстве одновременно наличествуют две стороны: правопреемник и лицо, которому право принадлежало ранее. Именно поэтому переход права на управление корпорацией и, следовательно, возможность осуществления отдельных правомочий участника, который, по общему правилу, происходит на основании гражданско-правовой сделки, поставлен в зависимость от внесения сведений в ЕГРЮЛ или приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг. В рассматриваемом случае обе стороны предпринимают совместные усилия к скорейшему внесению необходимых регистрационных записей с целью прекращения прав предыдущего участника и их скорейшего возникновения у приобретателя.

В то же время при наследовании права на управление корпорацией наличествует лишь один субъект — наследник, поскольку наследодателя на момент принятия наследства уже нет в живых. Наследник в той или иной степени становится зависим от действий нотариуса и иных наследников, что не характерно для сингулярного правопреемства, которое имеет место при совершении гражданско-правовой сделки.

Важно также, что осуществление правомочий, входящих в содержание субъективного права на управление корпорацией, с момента внесения сведений в ЕГРЮЛ или приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг при сингулярном правопреемстве неразрывно связано с необходимостью строгой фиксации момента, с которого правопреемник заменяет правопредшественника в конкретном правоотношении. При наследовании права на управление корпорацией такая фиксация не имеет столь важного значения, поскольку правоотношение не прерывается и отсутствует факт появления нового субъекта.

Кроме того, значение фиксации даты внесения сведения в ЕГРЮЛ или приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг связана с тем, что переход прав в порядке сингулярного правопреемства может нарушать или каким-либо образом ущемлять права

новления Президиума ВАС РФ от 02.07.2013 № 2416/13 по делу № А42-6788/2011; АС ДО от 03.09.2020 по делу № А51-23173/2019 // СПС КонсультантПлюс.

и правовые интересы третьих лиц [Латыев А.Н., 2021: 60]. Например, при заключении договора купли-продажи акций (долей в уставном капитале) может быть нарушено преимущественное право других акционеров (участников) на приобретение акций (долей в уставном капитале) в порядке, предусмотренном законами об АО, об ООО и уставом хозяйственного общества. В то же время при переходе права на управление корпорацией в порядке универсального правопреемства при наследовании права и интересы третьих лиц не нарушаются, поскольку сама по себе универсальность такого правопреемства направлена на недопущение возникновения субъективного права без субъекта.

Таким образом, применительно к случаям перехода права на управление корпорацией в порядке универсального правопреемства при наследовании осуществление отдельных правомочий, принадлежавших умершему акционеру (участнику) корпорации, не должно ставиться в зависимость от внесения сведений в ЕГРЮЛ или приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг. При решении данной категории дел некоторые арбитражные суды полагают, что «действующее законодательство исходит из принципа одновременного перехода непосредственно права на ценную бумагу, удостоверенных ею прав, и, следовательно, возможности осуществления отдельных правомочий, которые входят в содержание такого права[23]. Такой вывод верен только при условии, что осуществление правомочий последует после выдачи свидетельства о праве на наследство и в зависимости от организационно-правовой формы хозяйственного общества.

До момента выдачи свидетельства имеется ситуация неопределенности: личность наследника, а также его доля не могут быть достоверно определены. В таком случае осуществление правомочий, входящих в содержание субъективного права на управление корпорацией и неразрывно связанных с определенным размером такого права, становится невозможным. К числу таких правомочий можно отнести: 1) исключение участника из ООО по требованию лиц, совокупный размер права на управление корпорацией которых составляет не менее 10% (ст. 10 Закона об ООО); 2) оспаривание крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, корпорацией в лице участника, который обладает правом на управление корпорацией в размере не менее 1% (п. 6 ст. 45, п. 4 ст. 46 Закона об ООО, п. 6 ст. 79, п. 1 ст. 84 Закона об АО); 3) получение акционером информации о деятельности АО в случаях, предусмотренных законом (п. 2, 3, 5 ст. 91 Закона об АО).

[23] См.: Постановление ФАС ДО от 15.08.2013 по делу № А73-12041/2012 // СПС КонсультантПлюс.

Значит, до получения свидетельства о праве на наследство ни хозяйственное общество, ни арбитражный суд, рассматривающий дело по иску общества в лице участника или самого участника, не могут определить личность наследника, а также размер права на управление корпорацией, которое принадлежит наследнику с момента принятия наследства. Специально для таких случаев законодателем и была предусмотрена возможность учреждения доверительного управления.

Для защиты прав наследников, отказополучателей и других заинтересованных лиц исполнителем завещания или нотариусом по месту открытия наследства принимаются меры, указанные в ст. 1172 и 1173 ГК (п. 1 ст. 1171 ГК). При этом в силу п. 1 ст. 1173, если в составе наследства имеется имущество, требующее не только охраны, но и управления (например, доля в уставном капитале и ценные бумаги), нотариус в соответствии со ст. 1026 в качестве учредителя доверительного управления заключает договор доверительного управления этим имуществом.

Как указал Высший Арбитражный Суд, «в период между датой открытия наследства и датой выдачи свидетельства о праве собственности на наследство временно возникает неопределенность состава участников»[24], в связи с чем в целях обеспечения баланса интересов корпорации, наследников и остальных участников может быть введено доверительное управление. Вместе с тем введение доверительного управления вызывает ряд вопросов, связанных, в первую очередь, с возможностью реализации доверительным управляющим всех правомочий, входящих в право на управление корпорацией.

На практике встречается подход, согласно которому доверительный управляющий не вправе осуществлять отдельные правомочия, принадлежавшие умершему участнику, в том числе участвовать в общих собраниях и голосовать по вопросам повестки дня[25]. Такой подход является несколько устаревшим, поскольку не учитывает целей передачи доли в уставном капитале общества в доверительное управление. Действительно, надлежащая охрана и управление переданным в доверительное управление имуществом невозможны без осуществления правомочий, которые входят в содержание права на управление корпорацией. В таком случае доверительный управляющий в целях защиты прав и правовых интересов наследника умершего участника вправе действовать как участник общества, в том числе оспаривать сделки, совершенные корпо-

[24] См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 27.03.2012 № 12653/11 по делу № А36-3192/2010 // СПС КонсультантПлюс.

[25] См.: Постановления ФАС ВВО от 31.08.2010 по делу № А29-10522/2009; Девятого ААС от 15.03.2010 по делу № А40-116963/2009; Восемнадцатого ААС от 01.09.2008 по делу № А07-16017/2007 // СПС Консультант Плюс.

рацией; оспаривать решения органов управления общества; требовать взыскания убытков с органов управления корпорации.

Однако иногда доверительный управляющий осуществляет свои обязанности в рамках договора доверительного управления недобросовестно, в том числе действует исключительно в собственных интересах[26]. Вместе с тем на этапе учреждения доверительного управления невозможно достоверно знать ход событий, поскольку нотариус и наследники могут лишь предугадать возможные негативные последствия и принять меры к их минимизации путем дальнейшего привлечения доверительного управляющего к предусмотренной законодательством ответственности.

Арбитражные суды ныне признают правомерность участия доверительного управляющего в общих собраниях и голосования по повестке дня с учетом положений Закона об ООО, устава ООО, а также положений договора доверительного управления[27]. Аналогичный подход, с которым следует согласиться, закреплен в п. 4.7 «Методических рекомендаций по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью»[28]. Выходит, что нет веских оснований для применения иного подхода при разрешении вопроса о наличии у доверительного управляющего акциями (долями в уставном капитале) возможности оспаривать сделки, совершенные обществом в лице директора, или требовать взыскания убытков, причиненных обществу. Все перечисленные правомочия входят в содержание субъективного права на управление корпорацией и принадлежат наследнику с момента принятия наследства, однако до получения последним свидетельства о праве на наследство не могут быть им реализованы и, следовательно, должны осуществляться доверительным управляющим.

Доверительное управление, учреждаемое нотариусом в порядке, предусмотренном ст. 1171 и 1173, направлено на защиту прав и правовых интересов не только наследников, но и самого хозяйственного общества в целях обеспечения должного уровня корпоративного управления. Так, Арбитражный суд Дальневосточного округа со ссылкой на п. 4.8 «Методических рекомендаций по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью» указал, что договор доверительного управления долей в уставном капитале ООО не может

---

[26] См.: Постановление АС МО от 03.03.2022 по делу № А40-86209/2021 // СПС Консультант Плюс.

[27] См.: Постановления АС МО от 16.08.2021 по делу № А40-157704/2020; АС ЦО от 10.10.2018 по делу № А68-10235/2017; АС ЗСО от 24.01.2019 по делу № А03-11552/2016 // СПС КонсультантПлюс.

[28] Утв. на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, С-К ФО, ЦФО РФ 28 — 29.05.2010.

быть заключен ранее получения согласия остальных участников, если необходимость получения согласия на осуществление права на управление корпорацией предусмотрена уставом общества[29]. Обоснованность такого подхода вызывает сомнения.

Как сказано выше, в абз. 2 п. 66 Постановления № 9 установлено, что свидетельство о праве на наследство, в состав которого входит доля или часть доли в уставном капитале общества, является основанием для постановки вопроса об участии наследника в соответствующем обществе или о получении наследником от соответствующего общества действительной стоимости унаследованной доли либо соответствующей ей части имущества, который разрешается в соответствии с ГК, законами или учредительными документами хозяйственного общества.

В силу п. 10 ст. 21 Закона об ООО согласие предоставляется в течение 30 дней с момента получения заявления наследника умершего участника, если иной срок не установлен уставом ООО. Нетрудно догадаться, что при таком подходе учреждение доверительного управления, даже если участнику будет дано согласие на осуществление перешедшему к нему права на управление корпорацией, может быть отложено на длительный срок, который с учетом времени, необходимого для получения свидетельства о праве на наследство (включая возможные судебные споры об определении личности наследников, состава наследственной массы и т.п.), а также получения согласия остальных участников (п. 8 ст. 21 Закона об ООО) составит не один и, возможно, даже не два года.

Обоснованным выглядит подход, при котором доверительное управление наследственным имуществом учреждается независимо от необходимости согласия остальных участников ООО, поскольку это позволит доверительному управляющему в кратчайшие сроки принять необходимые меры к сохранению рыночной стоимости права на управление корпорацией и не допустить отчуждения активов, принадлежащих обществу, по заниженной стоимости. Для этих целей доверительному управляющему, договор с которым должен заключаться незамедлительно с момента принятия наследства, принадлежит возможность оспаривания сделок и взыскания убытков, действуя от имени и в интересах корпорации.

После получения свидетельства о праве на наследство хотя бы одним наследником такой наследник становится учредителем доверительного управления и вправе прекратить договор доверительного управления (п. 8 ст. 1173 ГК). Следовательно, с момента получения свидетельства

[29] См.: Постановления АС ДО от 15.07.2019 по делу № А04-6360/2017; АС ДО от 07.03.2019 по делу № А51-13354/2018 // СПС КонсультантПлюс.

о праве на наследство наследник вправе самостоятельно осуществлять правомочия участника ООО (если только для этого не требуется согласия остальных участников)[30]. При этом факт невнесения в ЕГРЮЛ сведений о наследнике как об участнике общества правового значения не имеет.

Что касается защиты прав и правовых интересов корпорации в случае смерти участника АО, необходимо отметить следующее. В большинстве случаев реализация правомочий участника АО неразрывно связана с внесением сведений о лице в реестр владельцев ценных бумаг общества. Так, например, невозможно без внесения приходной записи по лицевому счету участвовать в общих собраниях акционеров и, следовательно, оспаривать решения, принятые на таких собраниях (п. 7 ст. 49 и ст. 51 Закона об АО).

Лицами, ответственными за исполнение по бездокументарной ценной бумаге, являются лица, выпускающие ценную бумагу (абз. 1 п. 1 ст. 149 ГК). При этом право требовать у обязанного лица исполнения по бездокументарной ценной бумаге признается за лицом, указанным в учетных записях в качестве правообладателя, или за иным лицом, которое в соответствии с законом осуществляет права по ценной бумаге (абз. 2 п. 1 ст. 149).

Таким образом, по общему правилу лицо, сведения о котором отсутствуют в реестре владельцев ценных бумаг, не вправе требовать исполнения от лица, обязанного по ценной бумаге, т.е. самого АО. В таком случае наследник действительно не вправе участвовать в общих собраниях акционеров и требовать участия в них до внесения приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг, поскольку все решения, принимаемые таким собранием, являются решениями самого общества.

В то же время практика пошла по иному пути, признавая за наследником акционера возможность участия в общих собраниях независимо от даты внесения приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг[31]. Однако весьма интересно следующее дело.

Наследники умершего акционера обратились в суд с иском о признании недействительным решения общего собрания акционеров по причине их неизвещения обществом. Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворе-

[30] См.: Постановление АС МО от 14.07.2021 по делу № А41-32023/2020 // СПС КонсультантПлюс.

[31] См.: Определение ВАС РФ от 27.12.2011 № ВАС-17216/11 по делу № А49-1925/2011; Постановление АС СЗО от 08.11.2016 по делу № А66-7692/2015 // СПС КонсультантПлюс.

нии исковых требований, указал, что сведения о наследниках не были внесены в реестр владельцев ценных бумаг АО, что препятствует осуществлению прав, удостоверенных бездокументарной ценной бумагой, в силу положений, предусмотренных ст. 149.2 ГК и ст. 29 Закона о рынке ценных бумаг[32]. Арбитражный суд Московского округа, согласившись с указанными выводами, тем не менее отменил постановление Девятого арбитражного апелляционного суда, указав, что в рассматриваемом деле: 1) нотариусом не было учреждено доверительное управление в порядке, предусмотренном ст. 1171 и 1173; 2) имели место явно недобросовестные действия органов управления АО, связанные с неизвещением наследников о проведении общего собрания в ситуации, когда было достоверно известно, что акционер, сведения о котором содержатся в реестре владельцев ценных бумаг, умер[33].

Однако вывод суда округа нельзя поддержать, поскольку регистрационная система учета прав, удостоверенных бездокументарными ценными бумагами, существенно отличается от процедуры внесения записей в ЕГРЮЛ в отношении участников ООО. Получается, что отсутствие сведений о лице в реестре владельцев ценных бумаг препятствует осуществлению правомочий участника АО, поскольку имеется предусмотренная ГК возможность учреждения доверительного управления. При этом учреждение доверительного управления возможно не только по инициативе нотариуса, но и самих наследников, а непринятие ими должных мер к защите собственных прав и интересов должно исключать возможность осуществления ими правомочий, принадлежащих участнику АО.

Применительно к осуществлению иных правомочий, направленных на защиту прав и интересов корпорации (оспаривание сделок, совершенных корпорацией, взыскание убытков с членов органов управления корпорации), как следует из буквального толкования п. 1 ст. 149 ГК, записи в реестре владельцев ценных бумаг АО не требуется, ибо здесь отсутствует требование к лицу, обязанному по бездокументарной ценной бумаге. Кроме того, иски, предусмотренные ст. 53.1 и 65.2 ГК, являются исками АО, а не его акционеров, а потому было бы, как кажется на первый взгляд, неверно ограничивать правомочия акционера необходимостью внесения записи в реестр владельцев ценных бумаг.

В одном из дел Арбитражный суд Московского округа признал за наследником умершего акционера возможность оспаривания сделок, со-

[32] См.: Постановление Девятого ААС от 16.01.2023 по делу № А40-162711/2022 (отменено вступившим в законную силу Постановлением АС МО от 26.04.2023 по тому же делу) // СПС КонсультантПлюс.

[33] См.: Постановление АС МО от 26.04.2023 по делу № А40-162711/2022 // СПС КонсультантПлюс.

вершенных корпорацией в лице директора, в отсутствие приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг[34]. В качестве одного из доводов суд округа указал на длительный корпоративный конфликт между наследником и вторым акционером, что препятствовало внесению регистрации права истца как акционера. Такой подход является весьма спорным, поскольку в силу абз. 1 п. 5 ст. 149.2 ГК оформление перехода прав на бездокументарные ценные бумаги в порядке наследования производится на основании предъявленного наследником свидетельства о праве на наследство. После получения такого свидетельства наследник вправе обратиться к лицу, ведущему реестр владельцев ценных бумаг АО, в целях внесения необходимых приходных записей.

Возможность оспаривания сделок и взыскания убытков с членов органов управления корпорацией допускается в лице акционера, т.е. члена высшего органа управления АО. Вероятно, до момента внесения приходной записи по лицевому счету наследнику недоступно осуществление отдельных правомочий, которые в силу особенностей регистрационного учета прав, удостоверенных бездокументарными ценными бумагами, принадлежат члену высшего органа управления АО. Кроме того, возможность оспаривания сделок, совершенных корпорацией, связана с необходимость обладания не менее чем 1% голосующих акций общества (п. 6 ст. 79, п. 1 ст. 84 Закона об АО). В таком случае определение процентного соотношения голосующих акций, которые принадлежат наследнику, с общим количеством акций в уставном капитале АО без соответствующей записи в реестре владельцев ценных бумаг является весьма затруднительным.

Таким образом, после получения свидетельства о праве на наследство наследник акционера по-прежнему не вправе осуществлять отдельные правомочия, связанные с защитой прав и интересов АО. Реализация таких правомочий доступна доверительному управляющему, действующему в интересах всех наследников умершего акционера. В отличие от ООО, переход права на управление которыми фиксируется в ЕГРЮЛ, отсутствие приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг лишает наследника возможности осуществления корпоративных правомочий. Лишь обращение к держателю реестра владельцев ценных бумаг и последующее внесение необходимой информации в реестр позволит акционеру самостоятельно осуществлять правомочия, предусмотренные правом на управление корпорацией.

[34] См.: Постановление АС МО от 02.11.2018 по делу № А41-15013/2017 // СПС КонсультантПлюс.

Заключение

Во-первых, право на управление корпорацией по правовой природе является «неличным» неимущественным правом, наследование которого не подпадает под запрет, установленный абз. 3 ст. 1112 ГК. В таком случае право на управление корпорацией приобретается наследником в общем порядке, предусмотренном п. 4 ст. 1152, с учетом особенностей, установленных ст. 1176.

Во-вторых, применительно к наследованию бездокументарных ценных бумаг и долей в уставных капиталах хозяйственных обществ необходимо различать моменты перехода к наследнику права на управление корпорацией и момент, с которого такой наследник вправе осуществлять (реализовывать) отдельные правомочия, входящие в содержание субъективного права на управление корпорацией.

В-третьих, согласие участников ООО, предусмотренное п. 6 ст. 93, абз. 2 п. 1 ст. 1176 ГК, п. 8 ст. 21 Закона об ООО, не связано ни с переходом доли к наследнику, ни с переходом к наследнику права на управление обществом. Такое согласие — это волеизъявление участников по вопросу, связанному с возможностью осуществления наследником участника корпоративных правомочий, перешедших к нему вместе с правом на управление корпорацией.

В-четвертых, право на управление хозяйственным обществом переходит к наследнику с момента принятия наследства (ст. 1113 и п. 4 ст. 1152). Указанное правило без каких-либо исключение действует для АО, а также ООО, уставом которых не предусмотрено необходимости получения согласия остальных участников (п. 6 ст. 93, абз. 2 п. 1 ст. 1176 ГК, п. 8 ст. 21 Закона об ООО). Если уставом ООО предусмотрена необходимость получения согласия, то возникает фикция перехода к наследнику права на управление корпорацией. Данная фикция в любом случае отпадает, а вместо нее происходит: возникновение корпоративного правоотношения между наследником и хозяйственным обществом; либо реализация наследником правомочия на выплату действительной стоимости доли в уставном капитале ООО.

В-пятых, соблюдение прав и интересов наследника акционера (участника) хозяйственного общества, а также самого общества обеспечивается путем учреждения доверительного управления, в рамках которого доверительный управляющий принимает необходимые меры охраны, а также управления переданным в доверительное управление имуществом.

В-шестых, возможность осуществления правомочий, входящих в содержание субъективного права на управление корпорацией, зависит от организационно-правовой формы хозяйственного общества:

при наследовании доли в уставном капитале ООО с момента принятия наследства и до момента выдачи свидетельства о праве на наследство защищать права и правовые интересы корпорации вправе доверительный управляющий. После получения свидетельства о праве на наследство возможность осуществления корпоративных правомочий в полном объеме переходит к наследнику участника;

при наследовании бездокументарных ценных бумаг АО наследник не вправе осуществлять правомочия, перешедшие к нему вместе с правом на управление корпорацией, вплоть до момента внесения приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг о нем как об акционере хозяйственного общества. Данное отличие связано в первую очередь с особой системой регистрационного учета прав, удостоверенных бездокументарными ценными бумагами.

Список источников

1. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. Т. 1. Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. М.: Статут, 2012. 428 с.

2. Белов В.А. (общ. ред.) Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. 678 с.

3. Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. М.: ЮрИнфоР, 2001. 265 с.

4. Бурлаков С.А. Разделение прав участника и прав на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью и его последствия // Журнал российского права. 2022. № 3. С. 60–74.

5. Габов А.В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. М.: Статут, 2010. 251 с.

6. Гутников О.В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 54–65.

7. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве:. М.: Контракт, 2019. 488 с.

8. Гутников О.В. Отношения, связанные с управлением юридическими лицами, как составляющая часть предмета гражданского права / Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: Сборник статей к юбилею Е. А. Суханова. М.: Статут, 2018. С. 168–193.

9. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: Избранные труды. Т. 2. М.: Статут, 2005. 494 с.

10. Курбатов А.Я. Доля в уставном капитале как объект доверительного управления: от правовой сущности к решению конкретных вопросов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 42–48.

11. Курбатов А.Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения. М.: Юстицинформ, 2022. 244 с.

12. Латыев А.Н. Перфекция сингулярного правопреемства в обязательствах: постановка проблемы // Закон. 2021. № 3. С. 59–72.

13. Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений. М.: Статут, 2020. 146 с.

14. Максуров А.А. Актуальные проблемы отчуждения акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ:. М.: Юстицинформ, 2021. 176 с.

15. Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М.: Статут, 2010. 419 с.

16. Новоселова Л.А. Обороноспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / Объекты гражданского оборота: Сб. статей. М.: Статут, 2007. С. 197–230.

17. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.

18. Сергеев А.П. (ред.) Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья. М.: Проспект, 2016. 384 с.

19. Суханов Е.А. (отв. ред.) Российское гражданское право. В 2 т. Т. I: Общая часть. М.: Статут, 2011. 956 с.

20. Телюкина М.В. Реализация принципа стабильности участников общества с ограниченной ответственностью // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2012. № 4. С. 27–30.

21. Фатхутдинов Р.С. Уступка доли в уставном капитале ООО: теория и практика. М.: Волтерс Клувер, 2009. 184 с.

22. Филиппова С.Ю. Двойственность правовых последствий смерти участника общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2019. № 1. С. 20–24.

23. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М.: Издательство НКЮ СССР, 1941. 207 с.

24. Шиткина И.С. (ред.) Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью». Т. 1. М.: Статут, 2021. 662 с.

25. Ярошенко К.Б. Наследование прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах, обществах и производственных кооперативах / Комментарий судебной практики. М.: Контракт, 2017. Вып. 22. С. 50–61.

References

1. Agarkov M.M. (2012) Selected works on civil law. Social value of private law and individual institutions of the general part of civil law. Moscow: Statut, 428 p. (in Russ.)

2. Belov V.A. (2001) *Singular succession in obligation.* Moscow: YurInfoR, 265 p. (in Russ.)

3. Belov V.A. (2009) Corporate law: issues of theory and practice. Moscow: Yurayt, 678 p. (in Russ.)

4. Burlakov S.A. (2022) Separation of participant rights and rights to a share in the authorized capital of a limited liability company and its consequences. *Zhurnal rossijskogo prava*=Russian Law Journal, no. 3, pp. 60–74 (in Russ.)

5. Fatkhutdinov R.S. (2009) Assignment of a share in the authorized capital of an LLC: theory and practice. Moscow: Wolters Kluver, 184 p. (in Russ.)

6. Fillipova S. Yu. (2019) Duality of legal consequences of the death of a participant in a limited liability company. *Grazhdanskoe pravo*=Civil Law, no. 1, pp. 20–24 (in Russ.)

7. Flejshic E.A. (1941) Personal rights in the civil law of the USSR and capitalist countries. Moscow: Justice People's Commissariat Press, 207 p. (in Russ.)

8. Gabov A.V. (2010) Limited and additional liability companies in the Russian legislation. Moscow: Statut, 251 p. (in Russ.)

9. Gutnikov O.V. (2017) On the legal nature of subjective corporate law. *Zhurnal rossijskogo prava*=Russian Law Journal, no. 3, pp. 54–65 (in Russ.)

10. Gutnikov O.V. (2018) Relations related to the managing legal entities as part of the subject of civil law. In: Civil law: aspects of doctrine, legislation, practice. Collection of articles for anniversary of Professor E.A. Sukhanov. Moscow: Statut, pp. 168–193 (in Russ.)

11. Gutnikov O.V. (2019) *Corporate liability in civil law.* Moscow: Kontrakt, 488 p. (in Russ.)

12. Krasavchikov O.A. (2005) Categories of the science of civil law. Selected works. Vol. 2. Moscow: Statut, 494 p. (in Russ.)

13. Kurbatov A. Ya. (2018) Share in the authorized capital as an object of trust management: from legal essence to solving specific issues. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*=Laws of Russia: experience, analysis, practice, no. 4, pp. 42–48 (in Russ.)

14. Kurbatov A. Ya. (2022) Business law: aspects of theory and law enforcement. Moscow: Yustitcinform, 244 p. (in Russ.)

15. Latyev A.N. (2021) Perfection of singular succession in obligations: statement of the problem. *Zakon*=Law, no. 3, pp. 59–72 (in Russ.)

16. Lomakin D.V. (2020) *Commercial corporations as subjects of corporate legal relations.* Moscow: Statut, 146 p. (in Russ.)

17. Maksurov A.A. (2021) Current issues of alienating shares and interests in the authorized capital of business companies. Moscow: Yusticinform, 176 p. (in Russ.)

18. Mogilevskiy S.D. (2010) Limited liability company: legislation and practice of its application. Moscow: Statut, 419 p. (in Russ.)

19. Novoselova L.A. (2007) Protecting share in the authorized capital of a limited liability company. In: Objects of civil circulation: collection of articles. Moscow: Statut, pp. 197–230 (in Russ.)

20. Pokrovskiy I.A. (2007) Main problems of civil law. Moscow: Statut, 353 p. (in Russ.)

21. Sergeev A.P. (2016) Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part three. Moscow: Prospekt, 384 p. (in Russ.)

22. Shitkina I.S. (2021) Commentary on the Federal Law on Limited Liability Companies. Vol. 1. Moscow: Statut, 662 p. (in Russ.)

23. Suhanov E.A. (2011) Russian civil law. Textbook. General part. Property right. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights. Moscow: Statut, 956 p. (in Russ.)

24. Telyukina M.V. (2012) Implementing stability of participants in a limited liability company. *Predprinimatel'skoe pravo*=Business Law, no. 4, pp. 27–30 (in Russ.)

25. Yaroshenko K.B. (2017) Inheritance of rights associated with participation in business partnerships, societies and production cooperatives. In: *Commentary* on *judicial practice*, vol. 22, pp. 50–61 (in Russ.)

Информация об авторе:

С.В. Ерчак — аспирант.

Information about the author:

S.V. Erchak — Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 29.10.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 22.03.2024.

The article was submitted to editorial office 29.10.2023; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 22.03.2024.